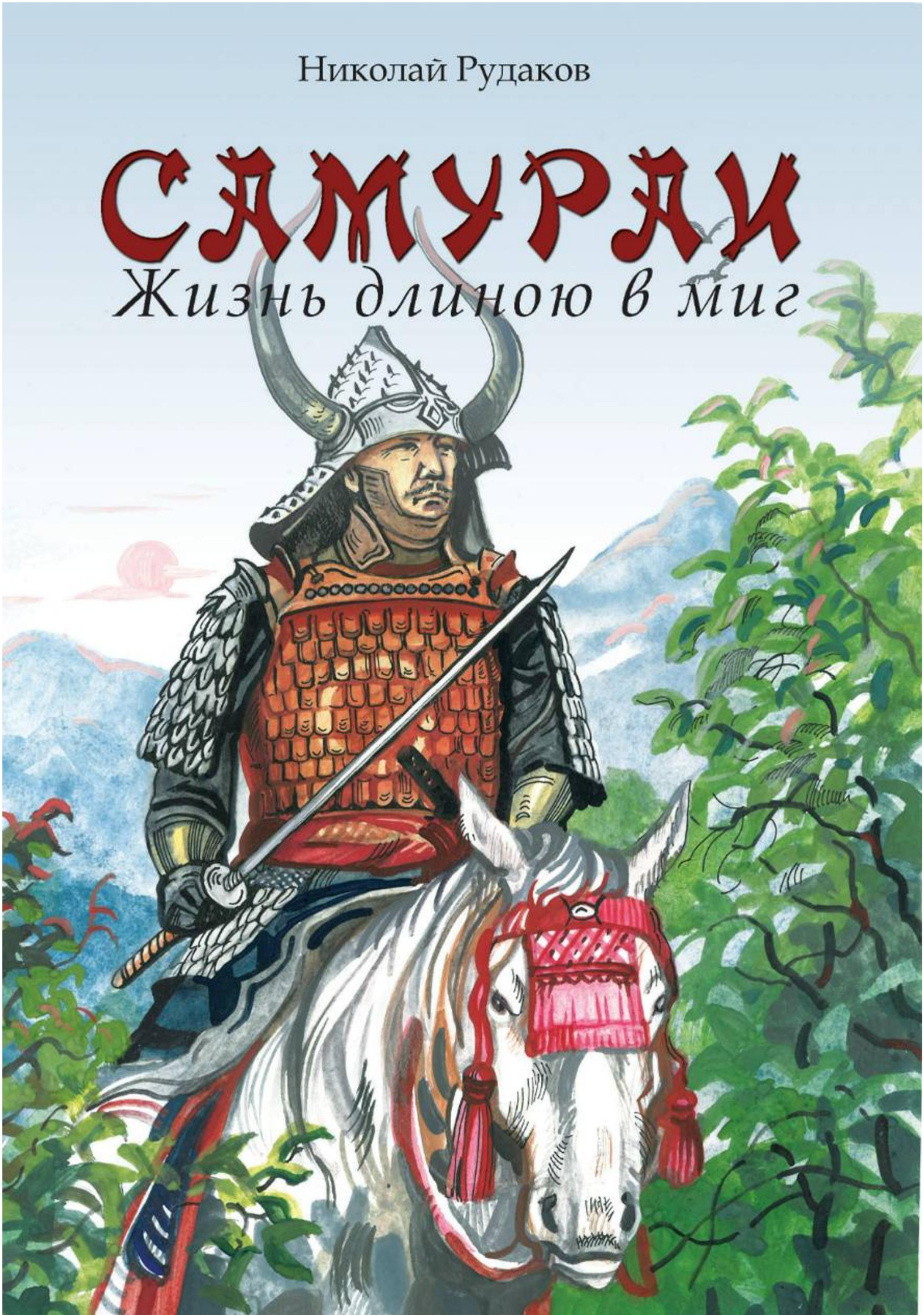
Николай Рудаков

САМУРАИ

Жизнь длиною в миг

Николай Рудаков

Самураи. Жизнь длинною в миг

«Автор»
2026

Рудаков Н.

Самураи. Жизнь длинною в миг / Н. Рудаков — «Автор», 2026

Самураи Привилегированное сословие средневековой Японии, благородные воины- рыцари, виртуозы меча и лука. Их давно уже нет, но о них знает каждый. Их воспела японская культура, они плоть от плоти японского народа, хранители незыблемых традиций и обычаев. В чем феномен этих бесстрашных воителей, ради чего они сражались и шли на смерть, во что верили и чему поклонялись?Жизнь в бесконечных военных походах, сражениях, битвах и поединках выработала в них особые человеческие качества, которые со временем сложились в устои морального кодекса самураев «Кюба-но мити» – «Путь лука и меча», позднее превратившегося в грозный свод заповедей «Бусидо» – «Путь воина». Именно эти заповеди стали для самураев своего рода жизненными законами, нормами поведения, этическимиправилами в быту и ратных делах.Книга рассчитана на молодежную аудиторию, но также она будет полезна и интересна всем почитателям истории древней Японии и любителям японских боевых искусств.

© Рудаков Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 18

Николай Рудаков
Самураи. Жизнь длинною в миг

Вместо предисловия

Согласно древнеиндийской космогонии один день Брахмы – Творца Вселенной – называется *кальпа* и длится 4 миллиарда лет. В связи с этим жизнь конкретного человека уподобляется одному мигу. Однако если для одних этот миг вместил в себя деяния, повлиявшие на судьбы тысяч людей, изменившие ход истории и поменявшие представления о мире, то для других он так и остался мигом, крошечной временной песчинкой, но вознёсшим их в какой-то момент на недосягаемую нравственную высоту, недоступную простым смертным и сохранившим их имена в народной памяти навечно…

Из глубины веков японской истории смотрит на нас суровый и молчаливый воин. В его пронзительном и чуть-чуть надменном взгляде можно прочесть лишь отрешенность и непоколебимую уверенность. Его руки крепко и надежно сжимают рукоять меча. Его голова упрямо устремлена вперед, готовя тело к сокрушительной атаке. Он бесстрашно идет по Пути воина, находя упоение в бою, не ведая страха, презирая смерть, но искренне ценя жизнь. Это он воспитал дух тех, кто через века бесстрашно выходил на бой «один против тысячи» или направлял свой охваченный пламенем истребитель «Зеро» в палубные надстройки американских линкоров. Это он создал фантастический и загадочный пласт народной культуры, который до сих пор заставляет его потомков крепко сжимать кулаки и тайком вытирать внезапно набежавшую слезу, хотя философия его жизни им во многом чужда и непонятна.

Его давно уже нет, но его узнает каждый. Его образ покрыт завесой тайны, хотя о нем сложено бесчисленное множество легенд и мифов, народных преданий и храмовых летописей, написаны сотни книг и поставлены десятки кинофильмов. Он живет в сердцах тех, кто выше жизни чтит честь, доблесть и верность. Это он – САМУРАЙ.

От автора

Мои маленькие друзья… «оловянные солдатики». Давненько я не играл в такие игры. Впрочем, на самом деле, это не игра, и это не «оловянные солдатики». Эти красивые статуэтки изображают легендарных воинов японского средневековья – самураев. Я приобрел их на выставке «Самураи. Сорок семь ронинов», которая с периодичностью в 3–4 года экспонируется в различных залах Москвы. Эти статуэтки удивили меня достаточно точным воспроизведением военных атрибутов средневековой Японии, в том числе оружия, воинских доспехов, знамен, вымпелов и даже фамильных гербов некоторых самурайских кланов. Теперь статуэтки стоят на почетных местах на моих книжных полках, окутывая меня дурманящим запахом глубокой старины, духом Бусидо и щемящим чувством трагизма людей, образы которых постепенно стираются в людской памяти. Глядя на них, хочется узнать историю прототипа каждой статуэтки и определить, какой миг из его трудной и предельно опасной самурайской жизни сумел выхватить художник. Это только кажется, что статуэтки статичны, но если присмотреться… В них заложены динамизм и экспрессия, сила и гнев, боль и страдание, их вывернутые в яростном крике рты взывают к нам сквозь толщу веков, призывая не оборвать ту тоненькую связующую нить между прошлым и настоящим, а, наверное, и будущим.

Теперь, когда я пишу очередную книгу по тематике японских боевых искусств, я черпаю в своих статуэтках вдохновение. Да, вот такая своеобразная муза. Менеджер выставки утверждал, что практически каждая статуэтка в точности воспроизводит определенный персонаж

японской истории. Ну, к примеру, великих объединителей Японии Оду Нобунагу и Тоётоми Хидэёси. К своему удивлению, этих известных исторических персонажей я опознал в двух статуэтках. Впрочем, их внешность неоднократно мелькала на старинных японских рисунках и гравюрах, а вот с остальными, мне кажется, ничего точно утверждать нельзя. Да, собственно, и не надо. Давайте просто пройдемся по пыльным дорожкам японского средневековья, прислушаться к свисту стрел, звону мечей, ржанью боевых коней, ощутим себя неотъемлемой частичкой той великой, суровой и загадочной эпохи самураев, исчезнувшей полтора века назад и вновь воскресшей в сердцах блюстителей чести, долга и мужества. В добрый путь, друзья!

Эпоха самураев

Япония… Конец VIII века… Императорские войска в жестоких сражениях теснят к северным землям отряды тех, кто не желает подчиняться воле императора. В основном это коренные жители японских островов – айны, населяющие страну Осю (север острова Хонсю) и остров Хоккайдо. Японцы называют их «эмиси» или «северные варвары».

Айны были умелыми воинами и не только успешно защищали свои земли, но и постоянно совершали набеги на пограничные японские территории. Физически очень сильные, они прекрасно владели оружием, стремительно перемещались и могли, как говорилось, мгновенно собраться, как муравьи, или рассеяться, как птицы. Императорские же войска, набранные в основном из крестьян, не были обучены умелому обращению с оружием, а их командиры – стратегии и тактике ведения боевых действий, и поэтому часто терпели поражения в стычках с айнами. Именно тогда возникла необходимость в квалифицированных, хорошо подготовленных воинах и грамотных военачальниках, которые могли бы обеспечить победы на полях сражений. По указу императора все местные князья-феодалы, владельцы японских провинций, впредь были обязаны готовить таких воинов, вооружать их и в нужный момент поставлять в императорскую армию. Сами феодалы тоже были заинтересованы иметь при своем дворе хорошо вооруженную и умело организованную военную дружину, которая в случае необходимости могла бы дать достойный отпор соседним феодалам, если те решат посягнуть на их земли. А такое случалось нередко. Именно этих людей, что служили в дружинах местных феодалов и в нужное время пополняли армию императора, а также стражников, охраняющих его дворец, стали со временем называть самураями.

Слово «самурай» происходит от глагола «сабурау» – «охранять, служить» и первоначально имело значение «личный слуга», постепенно перешедшее в «вооруженный слуга», то есть определенный тип воина.

В IX веке самураи уже представляли собой профессионально подготовленных воинов, закаленных в боях с «северными варварами», стычках с отрядами соседей-феодалов, подавлении крестьянских бунтов и военных мятежей. Наиболее доблестные и удачливые самураи получали от своих сюзеренов в награду земли и крестьян и сами становились мелкими феодалами. Их сыновья, пройдя у себя дома прекрасную военную подготовку, также шли по проторенной отцами и дедами дороге войны. Звание самурая стало наследственным, а быть самураем стало выгодным и почетным. Так в Японии возникло особое привилегированное сословие, элита общества, которая в течение многих последующих веков фактически управляла японским государством.

Служба при императорском дворе сделала многие самурайские семьи богатыми и могущественными. К началу XI века возникли два особенно сильных клана – Тайра и Минамото. Их история – это многолетняя непрекращающаяся череда интриг и противостояний в борьбе за власть и богатство, что в конце концов вылилось в кровопролитную войну между кланами, которая получила название «Война Гэмпэй» (1180–1185). Война Гэмпэй – это своего рода ключ к пониманию всей последующей истории самураев. Знаменитые битвы между армиями кланов Тайра и Минамото на берегах реки Удзи, у стен крепости Итинотани и города Ясима, в

морском сражении в заливе Данноура показали такие образцы самурайской доблести и мастерства, что на них равнялись все последующие поколения самураев. Эта война стала мерилом воинской отваги, мужества и стойкости. Все, что делало самурая безупречным воином и благородным рыцарем: совершенное владение мечом, копьем и алебардой, умелая стрельба из лука, мастерство всадника, искрометные и беспощадные поединки, умение слагать стихи и тонкое понимание искусства, беспрекословная преданность своему господину и готовность в любую минуту пожертвовать жизнью ради него, суровая традиция сэппуку (харакири) – все это в полной мере было продемонстрировано самураями кланов Тайра и Минамото в ходе пятилетней войны и навеки стало примером для подражания. Эти качества воина и рыцаря впоследствии сложились в устои морального кодекса самураев «Кюба-но мити» – «Путь лука и меча», позднее превратившегося в грозный свод заповедей *Бусидо* – «Путь воина». Именно эти заповеди стали для самураев своего рода жизненными законами, нормами поведения, этическими правилами в быту и военных походах. Ими руководствовались самураи в течение последующих веков в ходе различных исторических событий, будь то нашествие монголов в конце XIII века или бесконечные войны Эпохи воюющих провинций (Сэнгоку Дзидай) XVI века. Эти заповеди сформировали у самураев особый взгляд на жизнь, которую они воспринимали как проявление силы духа, боевого мастерства, следование законам чести, верности и отваги.

Известный японский просветитель Нитобэ Инадзо (1862–1933), автор знаменитого трактата «Бусидо. Душа Японии», писал:

«Бусидо – это кодекс моральных установлений, которому учили воинов и следовать которому было для самураев обязательным. Кодекс, однако, неписанный, кроме нескольких максим, изустным путем вошедших в записки знаменитых воинов и мудрецов. В остальном же – невыразимый и незапечатленный, обладающий авторитетом добродетели, как закон, написанный на плотских скрижалях сердец. Бусидо – творение не одного ума, как бы ни был он велик, и не результат жизни отдельной личности, сколь бы ни была она известна. Это органичный продукт опыта веков военного искусства».

Впрочем, далеко не все самураи были идеальными носителями добродетелей Бусидо. Среди них встречались и такие, чьи моральные устои, нравственные качества, боевое мастерство были далеки от идеалов Кодекса чести самураев. Однако история оставила нам огромное количество примеров истинного служения самурайской этике. Среди героев народного эпоса, исторических хроник, *гунок-моногатари* – военных повествований, были те, кто сыграл выдающуюся роль в японской истории, чьи деяния и поступки коренным образом изменили судьбу страны, но были и те, чьи имена фактически затерялись в толще веков, кто был только вскользь упомянут на исторических скрижалях, но проявленные ими воинское мастерство, доблесть, мужество и отвага, а то и несравненное бесстрашие и самопожертвование, пусть в одном эпизоде, пусть в одной жизненной ситуации, стали примером для будущих поколений и оказались достойными остаться в народной памяти.

В этой книге речь пойдет и о тех, и о других. Главное, что заставило автора сделать их героями настоящего повествования – это их верность идеалам Бусидо, по крайней мере, так, как они сами это понимали, как диктовали им их традиции, вера, их жестокие и бескомпромиссные времена.

МИНАМОТО ЁСИЦУНЭ

Вернёмся в конец XII века. Война Гэмпэй, длившаяся более пяти лет, дала огромное количество примеров проявления истинного самурайского духа и сделала самураев героями японского народа. Но даже среди этого великолепного воинства выделяется фигура Минамото Ёсицунэ – девятого сына Минамото Ёситомо – главы клана Минамото, полководца и блестящего мастера боевых искусств. Вокруг этого самурая № 1 — так по традиции его называют в

Японии — сложилось такое количество мифов и преданий, что из исторической личности он превратился в героя народных легенд, которые всегда предпочитали красивую сказку реальным фактам. Но ведь историки недаром говорят, что почти каждая легенда основана на реальных событиях.

Согласно летописям, в семилетнем возрасте, прозябая в буддийском храме Курама-дэра, куда его определила мать – красавица Токива, подальше от кровавых распрей между Тайра и Минамото, Ёсицунэ всерьез увлекся фехтованием на мечах и вскоре достиг блестящих успехов. Одна из легенд всерьёз утверждает, что его истинными учителями были демоны *тэнгу* – сказочные люди-птицы, которые считаются прародителями всех самурайских воинских искусств. Согласно другой легенде, 16-летний Ёсицунэ, отправившийся в *муся-сюгэ*[1], как-то повстречался с монахом-гигантом

Бэнкэем, который в свое время поклялся, что сможет отнять 1000 мечей у самураев, проходящих по мосту Годзё в Киото. Виртуозно владевший

тяжелым мечом и нагинатой[2] монах уже собрал 999 мечей, после чего столкнулся с Ёсицунэ. Бэнкэй опрометчиво не увидел в молодом юноше достойного соперника, но, схлестнувшись с ним в бою, он был неприятно

удивлен его умением парить в воздухе, совершать невообразимые кульбиты и демонстрировать фехтовальные трюки, чему его научили тэнгу. Он был трижды повержен Ёсицунэ, после чего, узнав к тому же, что тот является сыном главы клана Минамото Ёситомо, проникся к нему великим уважением и поклялся служить ему верой и правдой до самой смерти. И он, как показали дальнейшие события, свою клятву сдержал.

Ну, легенды легендами, а согласно официальным летописям, Ёсицунэ и его сводный старший брат Ёритомо возглавили клан Минамото во время Войны Гэмпэй, причем именно Ёсицунэ стал тем полководцем, кто принес победу своему клану, одержав блестящие победы над войсками Тайра у реки Удзи и у города Ясима, а затем поставил точку в их противостоянии в знаменитой морской битве в заливе Данноура, навсегда повергнув цвета рыцарства Тайра

Однако место главы клана-победителя досталось Ёритомо, ставшему сёгуном[3] и основателем первого самурайского (камакурского[4]) сёгуната. Ёритомо, талантливый политик и блестящий полководец, тем не менее, завидовал популярности Ёсицунэ и откровенно боялся его как возможного претендента на трон сёгуна. Он был умен, деятелен и прекрасно знал правила «борьбы за власть». Именно поэтому он постарался как можно быстрее избавиться от Ёсицунэ, отправив его сначала в ссылку в область Иё, а затем и вовсе приказав убить. Однако Ёсицунэ вместе со своим верным Бэнкэем сумел бежать. Более пяти лет скитались Ёсицунэ и Бэнкэй по стране, уходя от ищеек Ёритомо. В конце концов, Ёсицунэ устал от бесконечного и бессмысленного бегства, и он со своей семьей нашел приют на севере острова Хонсю у своего старого покровителя Фудзивара Хидэхира, владельца провинции Муцу, который в годы юности Ёсицунэ уже давал ему приют и воспитывал как сына. Некоторое время скитальцы жили в безопасности, но вскоре сторонники сёгуна выследили беглецов и стянули к их убежищу огромные силы. Верные Ёсицунэ самураи мужественно приняли свой последний бой, но силы были слишком неравны и вскоре в живых остались только Ёсицунэ и неустрашимый Бэнкэй. Гигант-монах, весь истыканный стрелами, сражался как тигр, прегражда путь наседавшим врагам и давая возможность Ёсицунэ удалиться в дом и уйти в мир иной благородным сэппуку. Но

---

[1] воинские странствия, предпринимаемые отдельными самураями, достигшими совершенства в каком-либо виде самурайских воинских искусств, с целью сразиться с достойными и сильными соперниками.

[2] Нагината (яп.) — японское холодное оружие с длинной рукоятью овального сечения и изогнутым односторонним клинком

[3] от древнего «тэйи-тайсёгун» — главнокомандующий, усмиряющий варваров, впоследствии – военный правитель Японии

[4] японское военное правительство в 1192–1333 гг., названное так по названию города Камакура – ставке клана Минамото

вскоре силы великана иссякли, он воткнул в землю свою страшную алебарду, оперся на нее и застыл как изваяние, повернув к врагам искаженное яростью лицо. Долгое время никто из самураев Ёритомо не

решался подойти к неподвижно стоящему Бэнкэю, но вот один из них, набравшись храбрости, проскакал мимо него на коне, и от дуновения ветра

гигант упал. И тут все поняли, что Бэнкэй давно мертв. Он просто окостенел и стоял перед врагами, защищая своего господина и до конца выполняя клятву верности, данную им Ёсицунэ.

В своей известной книге «Самураи: истории и легенды» Сато Хироаки

назвал Ёсицунэ «затравленным героем». Что ж, судьба Ёсицунэ действительно трагична. Но для японцев он по-прежнему остаётся идеалом благородного воина, национальным героем, самураем №1, а приключения Ёсицунэ и его верного Бэнкэя стали любимыми сюжетами для японских писателей, драматургов и художников. В частности, пьесы с участием Ёсицунэ и Бэнкэя являются обязательной частью репертуара традиционного театра Японии – Кабуки.

ХОДЗЁ ТОКИМУНЭ

Вторая половина XIII века… Над Японией нависла реальная угроза иноземного вторжения. Огромной монгольской армии под предводительством хана Хубилая (1215-1294), внука Чингисхана, только что

покорилась Корея и значительная часть Китая. Впрочем, к этому времени

монголы уже владели империей, простиравшейся от Ледовитого до Индийского океана, от берегов Черного моря до Тихоокеанского побережья. Казалось, зачем нужен был Хубилаю небольшой кусочек суши на краю мира, каким тогда была Япония? Но монголы не привыкли жить вне войны, и они жаждали очередной победы. Прирожденные воины, все занятия, кроме войны, они считали пустой тратой времени. Прекрасно организованные, хорошо оснащенные и вооруженные, имеющие огромный опыт сражений, монгольские войска не знали поражений в течение столетий. По всему было видно, что японцам предстояло ощутить на себе натиск этой идеальной боевой машины. К сожалению, противопоставить ей японские воины могли только героизм, бесстрашие и самопожертвование. И они их проявили. Однако без вмешательства сокрушительных природных сил и эти качества могли оказаться бессильными.

В 1274 году Хубилай направил к японским берегам мощный флот, состоявший из тяжелых кораблей, построенных на верфях Китая и Кореи. На кораблях разместились более пятидесяти тысяч отборных монгольских воинов, к которым были добавлены китайские и корейские солдаты. Этому экспедиционному корпусу была поставлена задача провести разведку боем

и, при удачном стечении обстоятельств завоевать Японскую империю.

В то время во главе сёгуната Японии стоял Ходзё Токимунэ (1251-1284), которому было всего 23 года. Это был уже вполне сложившийся воин, самурай, наделенный от природы умом и талантом государственного деятеля. Он без колебаний взял на себя ответственность за судьбу страны. Прежде всего Токимунэ обратился к влиятельным самурайским кланам

забыть на время свои распри и объединиться для того, чтобы защитить

Японию от грозящей с моря опасности, и его призыв был услышан. Надо сказать, что это была первая и единственная война (до XX века), которую японцы вели на своей территории против иноземных захватчиков.

Осуществив высадку войск на остров Кюсю в районе бухты Хаката, монголы устремились вглубь японской территории. Здесь самураи попытались дать серьезный отпор монголь-

ской армии, но уже в первых боях они, даже в самых кровавых сражениях исповедовавшие честь, благородство и правила рыцарских турниров, столкнулись с совершенно «варварскими» способами ведения боевых действий. Монголы осыпали самураев тучами отравленных стрел, затем, выставив вперед длинные копья, с дикими криками бросались в атаку, окружали японских всадников со всех сторон, валили с коней и перерезали горло. Молниеносные конные атаки следовали с флангов и с тыла одновременно. Вот как описывал тактику боевых действий монголов венецианский путешественник Марко Поло: «Они никогда не атакуют своего врага прямо и никогда не смешиваются с ним в бою; напротив, они вьются между его флангами, осыпая противника ливнем стрел то с одного края, то с другого. Иногда они ударяются в притворное бегство, и, если противник пытается их преследовать, то они на скаку стреляют назад и убивают много людей и коней».

Самураи сражались отчаянно, не думая об отступлении и возможности уцелеть. Небольшие отряды в несколько десятков человек бросались на тысячные толпы монголов, врубаясь в их ряды, и атаковали их раз за разом, пока не погибал последний самурай. Даже свирепые монгольские воины, много повидавшие на своем веку, были восхищены мужеством и бесстрашием своих противников. Беспримерный героизм японских воинов сыграл свою роль. Увидев в самураях серьезного и сильного врага, монголы поняли, что если втянуться вглубь японской территории, то ими будет потеряно превосходство в маневре, и они могут понести большие потери и даже быть уничтожены. Поэтому монголы ограничились тем, что сожгли храм Хакодзаки, опустошили окрестности, разграбили и сожгли бедные жилища местных жителей, увели пленных и к ночи вернулись на корабли.

Видимо, за эти святотатства монголы были наказаны самым жестоким образом. Во время погрузки войск на корабли разразился сильнейший шторм. Ураган обрушился на монгольский флот, и более двухсот кораблей пошло ко дну. В пучину было унесено более 13 тысяч воинов. Остатки флота были рассеяны и беспорядочно вернулись в Корею. Так бесславно закончилась первая попытка Хубилай-хана покорить Японию.

А Япония праздновала победу. В храмах служили благодарственные молебны богам. Всем казалось, что сбылось древнее пророчество, согласно которому боги охраняют Страну восходящего солнца. Ураган получил название «камикадзе», то есть «божественный ветер».

Хубилай-хан впал в бешенство, узнав о провале операции, и его гнев был пострашнее урагана. С плеч слетело много голов его военачальников. Но постигшую неудачу Хубилай счел случайностью. Кроме того, он был уверен, что японцы напуганы мощью его армии и уже поняли, что сопротивляться бессмысленно. Однако организовать вторую экспедицию сразу же он не смог. Большая часть его армии была брошена на завоевание Южного Китая. К японцам же Хубилай отправлял одно посольство за другим с требованием покориться Великой монгольской империи. На этот раз реакция японских властей была откровенной и жесткой. Всем послам рубили головы.

После такой демонстрации неповиновения с японской стороны стало ясно, что нового похода на Японию не избежать. Для монголов покарать японцев за убийство послов было делом чести. Кроме того, после окончательного завоевания Китая в 1279 году в руки Хубилая попал весь морской и речной флот китайской империи Сун – тысячи крупных джонок, которые можно было бы использовать для нового морского похода. И Великий хан приказал готовить невиданную по масштабам морскую экспедицию.

Хубилай учел ошибки, допущенные в первом походе. В этот раз на японские острова должна была высадиться поистине колоссальная армия. Фактически таких армий было две. Первая, Восточная, должна была отправиться из корейского порта Айура. Она состояла из корейской пехоты и моряков (10 тысяч солдат и 17 тысяч матросов) и монголо-китайского корпуса (15 тысяч конницы и пехоты). К их услугам был предоставлен флот в составе 900 кораблей. Эта армия должна была выполнить функции первой волны, ударного авангарда. Решаю-

щий удар возлагался на огромную Южную армию, численность которой не могла не поражать воображение – 100 тысяч монгольских и китайских воинов плюс 60 тысяч матросов на 3500 судах. Учитывая масштаб операции, было ясно, что ее успешное проведение зависело от высокой выучки командиров и воинов, скоординированности действий, полного господства на море и хорошей погоды[5].

Между тем Ходзё Токимунэ энергично готовился к новому вторжению монголов. Вдоль всей бухты Хаката на острове Кюсю по его приказу построили каменную стену длиной в 40 километров, шириной от 1,5 до 5 метров и высотой от 1,5 до 5 метров. В местах возможной высадки

монгольских войск создавались легкие оборонительные сооружения,

призванные помешать монголам использовать свою кавалерию в полную мощь. Со всей Японии прибывали самурайские дружины и сосредотачивались в наиболее уязвимых местах. Для борьбы с тяжелыми монгольскими кораблями был создан флот из легких, высокоманевренных

абордажных кораблей. Но все же главное, что должны были сделать самураи, а именно реорганизовать свою армию, изменить тактику ведения боевых действий, усовершенствовать вооружение, чтобы хоть как-то

уменьшить преимущества стратегии и тактики монголов, сделано не было.

Воспитанные по канонам самурайской этики, самураи не пожелали изменить своим понятиям чести, достоинства и рыцарского поведения в бою. По-прежнему они уповали на доблесть, отвагу и фантастическое мастерство владения холодным оружием.

22 мая 1281 года Восточная армия монголов атаковала остров Цусима. Самураи отчаянно сопротивлялись, но, как и семь лет назад, были повержены. 23 июня монгольские корабли вошли в бухту Хаката. В планах

монгольских военачальников была быстрая высадка войск, захват

плацдарма, уничтожение очагов сопротивления и террор местного населения. А после прибытия Южной армии выйти на оперативный простор, где могла бы показать свое преимущество знаменитая монгольская конница. Казалось, окончательная победа над упорными японцами была близка.

Однако японское командование разгадало планы противника. Самураи сосредоточили в районе бухты Хаката свои основные силы, и бои разгорелись с невероятным ожесточением. Японские воины оборонялись столь яростно, что монголы сумели высадить на берег лишь незначительную часть своего огромного войска, а в ходе боев захватить лишь узкую полоску берега. Ни днем, ни ночью самураи не давали передышки противнику, не щадя своих жизней, презирая смерть, беспрерывно атакуя монголов, как на воде, так и на суше. Часто рукопашные бои разгорались на палубах монгольских кораблей, где самураи наглядно демонстрировали непревзойденное искусство фехтования и мощь своих мечей. Часто монголы просто отказывались верить своим глазам, ибо чудеса храбрости самураев превосходили все человеческие понятия. Вот некоторые примеры проявления истинного героизма.

Могучий воин Кусано Дзиро с небольшим отрядом самураев на лодке атаковал огромный монгольский корабль. Под градом стрел они вплотную подошли к его борту и, свалив на него мачту своего суденышка, стремительно взлетели по ней на палубу. Началась неравная схватка. Самому Кусано камнем, пущенным из катапульты, оторвало руку, но он продолжил бой. Самураям не только удалось зарубить более двадцати монголов и сжечь корабль, но и вернуться к своим. Этот подвиг обессмертил их имена.

[5] Учитываются материалы, представленные в книге Д. В. Журавлева «Загадки истории. Страна восходящего солнца», Харьков: Фолио, 2009 г.

Применяли японцы и военные хитрости. Самурай Коно Митиари снарядил две маленькие лодки с лучшими воинами, которые поклялись умереть за отечество. Затем Коно выбрал цель – большой, украшенный монгольскими и китайскими флагами корабль. Обе лодки самураев подошли к нему почти вплотную. Дело было днем, и монголы не почувствовали угрозы со стороны двух маленьких скорлупок. Скорее всего, они подумали, что небольшая группа японцев плывет сдаваться в плен. Оружие самураи спрятали под простой крестьянской одеждой. Как только борта корабля и лодок соприкоснулись, самураи, свалив мачту, начали атаку. Почти все смельчаки погибли, но Митиари сумел убить капитана и взять в плен темника[6], после чего поджег корабль. После этого уцелевшие самураи ушли под прикрытием горящего судна.

На командиров и бойцов монгольской армии подобные дерзкие акции действовали удручающе. Пусть эти атаки не наносили им существенного

ущерба, но подобные примеры самопожертвования, безумной храбрости и презрения к смерти заставили монголов пересмотреть свое отношение к противнику. Они даже изменили направление главного удара Восточной армии, переместив свои войска на маленький остров Такасима. Однако их попытки высадиться здесь тоже потерпели неудачу. Мобильные отряды самураев раз за разом отбрасывали монголов назад к кораблям. Деморализованной Восточной армии оставалось только одно – ждать подхода основных сил – колоссальной Южной армии.

12 августа 1281 года море Гэнкай, что омывало с севера провинцию Хидзэн на острове Кюсю, огласилось грохотом огромных монгольских боевых барабанов. С большим опозданием, но все же прибыла Южная армия. Все воды вокруг острова Такасима заполнили тысячи кораблей Хубилай-хана, создав зрелище, которое повергло в шок самые неустрашимые японские сердца. Если бы вся Южная армия высадилась на берег, то японцев могло спасти только чудо. И чудо произошло. Японские боги все же решили вмешаться.

Вечером 15 августа местные уроженцы заметили в далеком небе небольшое, с виду неприметное облачко, и сразу поняли – приближается тропический тайфун. На следующий день солнце померкло еще до заката, мгла опустилась на прибрежные холмы и огромную бухту Хаката, усеянную монгольскими кораблями, до отказа набитыми воинами, готовыми высадиться на японскую землю. С юго-запада налетел штормовой ветер, рев которого оглушил окрестности. Над горизонтом появилась узкая черная полоса. Поднялись огромные волны, которые, как щепки, начали швырять монгольские корабли, сталкивая их между собой, выбрасывая на берег и

навсегда погружая в морскую пучину. Да, это снова был камикадзе, божественный ветер! Смертельный удар Хатимана[7]! Воля богов!

Потери монгольской армады были колоссальны. Южная армия потеряла половину своего флота и десятки тысяч солдат. Успевшие выбраться на берег пришельцы были немедленно атакованы отрядами самураев и уничтожены

все до последнего воина. Остатки Восточной и Южной армий на оставшихся кораблях беспорядочно бежали в порты Кореи.

В этой удивительной, трагической и вместе с тем оптимистической странице истории Японии необходимо отдать должное героизму японского народа и его верным защитникам - самураям. Скорее всего, и без сокрушительных природных сил монголы не смогли бы завоевать Страну восходящего солнца. За два жестоких набега они не добились ничего, тогда как за более короткие сроки под их ударами падали огромные государства. Эти события в очередной раз явили миру неукротимый самурайский дух,

---

[6] в монгольской армии командир отряда в десять тысяч воинов.

[7] синтоистский бог, покровитель воинов. Согласно легендам, Хатиман дал клятву, что его лук и стрелы будут всегда оберегать Японию

замешанный на бесстрашии, мужестве, отваге, презрении к смерти и чувстве долга. Эти качества противопоставили самураи идеально отлаженной военной машине монголов и победили. Честь им и хвала!

Ходзё Токимунэ – человек, возглавивший оборону Японии в те далекие годы. Вот что пишет о нем известный японский философ Дайсэцу Тэйтаро Судзуки в своей книге «Дзэн-буддизм в японской культуре»:[8] «Он оказался одним из величайших деятелей в истории Японии. Во всяком случае, без него история страны могла оказаться совсем иной. Именно он отразил монгольские нашествия… Порой кажется, что Токимунэ и впрямь был послан небесами, чтобы спасти японский народ от тягчайшего бедствия – ведь дата его смерти совпадает с окончанием великих битв. Его короткая жизнь была полностью посвящена благородному делу. Ему суждено было стать телом и душой всей нации. Неукротимый дух Токимунэ ни на минуту не ослаблял контроля над положением вещей, а тело воплотилось в непобедимой армии, что стояла насмерть, словно могучий утес над бурными волнами Западного моря».

ТАКЭДА СИНГЭН

Внимательно разглядывая статуэтки, приобретенные на выставке «Самураи. Сорок семь ронинов», невольно приобщаешься к культуре и истории Японии. В конце концов, безупречный образ самурая создала именно японская культура, возможно, вопреки многим историческим фактам, но этот образ будет вечен, как вечен образ благородного европейского рыцаря. Истинный носитель добродетелей Бусидо, отважный, честный и гуманный воин, памяти народной самурай. «Меж цветов красуется сакура, меж людей – самурай», – гласит японская пословица. И это несмотря на то, что даже в официальных *гунках-моногатари* (древних воинских повествованиях) среди представителей благородного самурайского сословия отмечались, и нередко, предатели, трусы и извращенцы. Но были и такие, чьи высокие моральные, нравственные и боевые качества не были подвергнуты сомнению ни людьми, ни временем. К ним, без сомнения, можно отнести Такэду Сингэна – князя, владельца провинций Каи и Синано, могущественного даймё[9], чье имя до сих пор с благоговением произносят японцы.

Такэда Сингэн родился 1 декабря 1521 года и был старшим сыном Такэда Нобутора, военного правителя горной провинции Каи. При рождении он получил имя Кацутиё, что в переводе с японского языка означает «Победа навсегда», но потом сменил его на Харунобу, получив в дар иероглиф «хару» из имени двенадцатого сёгуна Японии Асикага-но Ёсихара. Харунобу рос нелюбимым ребенком, так как отец все надежды возлагал на младшего сына – Нобусигэ, и именно ему собирался передать свои владения. Харунобу не перечил отцу, а чтобы скрыть свои истинные способности, прикидывался слабым и туповатым. Однако с возрастом все больше и больше стали проявляться его полководческие таланты.

Как-то при штурме крепости Унинокути в провинции Синано Такэда Нобутора с его восемью тысячами воинов не сумел одержать победу и был вынужден отступить. Харунобу попросил разрешения отступать последним. Нобутора рассмеялся и сказал: «Ты хочешь идти последним, ибо знаешь, что враг не отправит за нами погоню. Нобусигэ никогда бы так не поступил». Но Харунобу настоял на своем и с тремястами воинами отступил последним. Когда основные силы Нобутора ушли далеко вперед, Харунобу остановился на отдых, приказав своим воинам не снимать доспехи и не расседлывать лошадей. Стояла зима, непрерывно шел снег

[8] Судзуки Д.Т. «Дзэн-буддизм в японской культуре». – Триада, 2004 г.

[9] Даймё (яп.) – букв. «большое имя», крупнейшие военные феодалы средневековой Японии, владельцы провинций и крупных земельных наделов

и дул пронзительный ветер. В четыре утра Харунобу быстро свернул лагерь и с тремястами всадниками помчался обратно к Унинокути. Комендант крепости Хирага Гэнсин к тому времени уже распустил свой гарнизон по домам и оставался в крепости с сотней человек. Харунобу разделил воинов на три отряда и пошел на штурм

замка с трех сторон. Защитники замка, не ожидавшие нападения и не зная, сколько врагов участвуют в штурме, сдались без боя. Харунобу с головой Гэнсина вернулся к Нобутора. Однако Нобутора не только не похвалил его, но и укорил: «Ты взял замок, но потом струсил и сбежал из него». Самураи Нобуторы втайне восхищались Харунобу, но не осмеливались выступить в его защиту. Сам же Харунобу продолжал прикидываться дурачком.

Впрочем, скоро это ему надоело. Харунобу вступил в тайный сговор с

соседним даймё Имагавой Ёсимото и с его помощью при поддержке большинства самураев провинции Каи сверг своего отца, став в неполные

девятнадцать лет полноправным хозяином провинции Каи.

Придя к власти, Такэда Сингэн сразу зарекомендовал себя как умный и решительный правитель. Первое время ему пришлось отражать набеги своих соседей, которые решили воспользоваться молодостью и неопытностью молодого даймё и захватить его земли. Однако Сингэн перехватил инициативу и сам перешел в наступление. К своим исконным владениям ему удалось добавить две соседние провинции – Синано и Кодзукэ. В его планы также входил захват и двух других близлежащих провинций – Микава и

Этиго. Но провинцией Этиго владел Уэсуги Кэнсин – правитель и воин, не

уступавший Сингэну ни в полководческих талантах, ни в доблести, ни в благородстве. Это были два достойных противника, и пять их жестоких битв за маленькое местечко Кавана-кадзима стали символами стратегического мышления, тактической изворотливости, отваги и упорства двух выдающихся полководцев.

Летописи гласят, что Такэда Сингэн как полководец участвовал в тридцати восьми сражениях и все тридцать восемь выиграл. Настоящий ужас и смятение наводила на вражеских воинов тяжелая конница Сингэна, хорошо обученная, мобильная и неудержимая, с ходу сминавшая любые боевые порядки неприятеля. Недаром девизом самураев Такэды были слова, начертанные на знаменах клана:

Быстры, как ветер,

Спокойны, как лес,

Яростны, как огонь,

Непоколебимы, как горы.

Но в ратных делах Такэда Сингэн полагался не только на силу. Здесь надо сказать, что он был одним из тех дальновидных правителей, которые стремились к объединению Японии и превращению ее в единое централизованное государство. А это вызывало необходимость противостояния многим противникам одновременно и требовало постоянного контроля ситуации в других провинциях. Такэда Сингэн успешно решил эту проблему, став лучшим специалистом по использованию в этих целях кланов ниндзя. Он создал целую разведывательную сеть агентов, осведомителей, шпионов и диверсантов, действовавших в стане его противников.

Чтобы ускорить доставку разведывательных донесений, Такэда организовал систему оповещений с помощью сигнальных костров с разноцветными дымами, используя при этом особенности рельефа своей провинции Каи, окруженной со всех сторон горными хребтами. На всех горных вершинах были установлены специальные сигнальные посты, которые передавали сообщения по цепочке так, что информация приходила к Такэде в течение нескольких часов.

Это был существенный вклад Сингэна в один из видов Будзюцу[10] – *нороси-дзюцу* (искусство раскладывания сигнальных костров).

Такэда Сингэн, являясь выдающимся полководцем и имея в своем распоряжении, пожалуй, самую мощную, хорошо организованную и

обученную армию, безусловно, имел реальную возможность объединить Японию под своей властью, к чему он всеми силами стремился. В битве 6 января 1572 года при Микатагахаре его армия разгромила объединенные войска Оды Нобунаги и Токугавы Иэясу, будущих великих объединителей

Японии, и в следующем 1573 году он повел свои войска на столицу Японии – Киото. Никто не мог противостоять натиску его армии, и его шансы стать единоличным военным правителем Японии и именно с этой позиции начать процесс объединения страны были как никогда высоки. Но в дело вмешалась судьба… На пути в Киото Такэда Сингэна тяжело заболел и в том же 1573 году умер в возрасте пятидесяти двух лет. Так гласят летописи…

Но надо сказать, что версия смерти Такэды Сингэна от тяжелой болезни оказалась не единственной. Некоторые легенды, к примеру, утверждают, что его ранил из аркебузы ниндзя, подосланный Одой Нобунагой. В другой интерпретации Сингэн закончил свой жизненный путь, получив смертельную рану выстрелом из мушкета при осаде его войсками крепости Нода, вставшей преградой на пути его армии в походе на Киото. Он слишком близко подошел к крепостным стенам, слушая чарующую игру на *сякухати* – японской флейте, которую исполнял один из защитников крепости. Этот эпизод послужил основой для фильма знаменитого японского режиссера Акиры Куросава «Кагэмуся» – «Насекомое в тени» (в российском прокате – «Тень воина»).

Нам, современным любителям японских боевых искусств, Сингэн Такэда известен не только как продолжатель могущественного рода Такэда, ведущего родословную от клана Минамото, но и как хранитель секретов знаменитой боевой системы Дайто-рю Айки-дзюцу, предтечи современного айкидо, разработанной его великими предками. Большой вклад внесли

самураи Такэды в развитие некоторых других видов Будзюцу, таких как *дзю-дзюцу* – комплекса японских боевых искусств, включавшего в себя

техники работы с оружием и без него, и ябусамэ — стрельбы из лука на скаку лошади.

При взятии крепости Минова воины Такэды пленили командира копейщиков осажденного гарнизона Камиидзума Хидэцуна. Восхищенный мужеством молодого воина Сингэн Такэда не только даровал ему жизнь, но и подарил

ему первый иероглиф своего имени, который имел два значения –

«син» и «нобу». В честь своего покровителя Хидэцуна изменил свое имя на

Нобуцуна, а основанная им впоследствии школа *кэн-дзюцу* – искусства владения мечом – вошла в историю боевых искусств как «Синкагэ-рю».

Вне поля битв Такэда Сингэн проявлял истинно благородные чувства к своим противникам и неоднократно выказывал им знаки внимания и уважения. А своему извечному противнику, «любимому врагу», Уэсуги Кэнсину, князю провинции Этиго, он слал трогательные дружеские письма. Тонкий ценитель искусств, поэзии и чайной церемонии, Такэда Сингэн был образцом самурайской доблести и чести, одинаково хорошо владевший мечом и кисточкой для каллиграфии.

УЭСУГИ КЭНСИН

[10] Будзюцу (яп.) – комплекс самурайских воинских искусств в средневековой Японии

Неожиданная смерть Такэды Сингэна нанесла невосполнимую утрату его клану и сорвала самые грандиозные планы. Теперь о походе на Киото и захвате власти пришлось забыть. Враги клана смогли вздохнуть с облегчением. Но тут на историческую сцену вышел Уэсуги Кэнсин, который после ухода из жизни его «любимого врага» стал самым могущественным даймё. Вопреки ожиданиям их общих противников, он не предпринял попыток захвата земель Такэды, проявив истинное благородство и уважение к своему извечному врагу, с которым чувствовал духовное родство. Мало того, он оказал моральную поддержку сыну Сингэна – Кацуёри, считая его мужественным и отважным самураем. Находясь на смертном одре, Такэда Сингэн завещал представителям своего клана помириться с Уэсуги Кэнсин, перейти под его покровительство и продолжить совместную борьбу против Оды Нобунаги и Токугавы Иэясу. Возможно, если бы этим словам последовал Кацуёри, то клан Такэды еще на долгие времена сохранил бы свое могущество и процветание. Но, как это часто бывает, сын не внял советам отца. Уэсуги Кэнсин же, как гласит предание, плакал, когда узнал о смерти своего «любимого врага».

Уэсуги Кэнсин нередко называют одним из последних представителей рыцарского, романтического периода в истории самурайства, когда в сражениях все решали личная доблесть воина, его самообладание и виртуозное боевое мастерство. На смену этим качествам постепенно приходили умение управлять большими массами войск, новые военные технологии, огнестрельное оружие, а рыцарей-самураев начали вытеснять безликие солдатские шеренги. Но в Уэсуге Кэнсине счастливо уживались и личная доблесть, и виртуозное владение холодным оружием, и умение управлять большими массами войск, смешанные с благородством, искренностью и милосердием. Многие последователи Кэнсина верили в то, что он является воплощением синтоистского божества Бисямонтэна и называли его богом войны. Именно ему приписывается одно из самых блестящих стихотворений, необыкновенно точно передающих дух Бусидо:

Ни раем, ни адом

Меня не смутить,

И в лунном сиянии

Стою непоколебим –

Ни облачка на душе …

Уэсуги Кэнсин родился 18 февраля 1530 года и был четвёртым сыном известного самурая Нагао Тамэкагэ из провинции Этиго. В младенчестве он носил имя Торатиё, что в переводе с японского языка означает «родившийся в год тигра». Позднее он взял себе имя Кагэтора. Так же, как и Такэда Сингэн, Кагэтора был нелюбимым сыном, да к тому же его ненавидели и родные братья за его прямоту, обостренное чувство справедливости и поразительные военные способности. Уже в 15 лет Кагэтора участвовал в боевых действиях, заслужив высокую репутацию. Однажды на замок Тотио напали 1300 *кокудзинов* – вассалов соседнего даймё. Кагэтора и хозяин замка Хондзё Санэёри с небольшим гарнизоном успешно отразили штурм, и с тех пор имя юноши вселяло страх его врагам. В 19 лет Кагэтора получил в наследство замок Касугаяма, а вскоре с небольшой дружиной верных самураев он разбил отряды своих братьев, возглавил клан, который стал одним из самых могущественных на востоке Японии, принял монашеский сан и взял себе имя Уэсуги Кэнсин. Под этим именем он провел множество сражений, поражая противников тонким стратегическим и тактическим чутьем, не раз нанося сокрушительные поражения и клану Ходзё и даже самому Оде Нобунаге. Однако «любимым врагом» Уэсуги Кэнсина всегда был Такэда Сингэн. Противостояние двух великих полководцев стало легендарным и до сих пор является популярной темой в японском искусстве. Эти два ярких

противника словно имели духовную потребность друг в друге, понимая, что слабый враг расслабляет, а сильный соперник вдохновляет на великие дела, а вне поля битвы они проявляли друг к другу благородные чувства и неоднократно выказывали знаки внимания и расположения. Хорошо известна история, когда войска клана Ходзё, воевавшего в то время с Такэдой, перекрыли пути поставки соли в его провинции, Уэсуги Кэнсин направил своему «любимому врагу» целый обоз с солью, написав ему, что «сражается мечом, а не солью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.